

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

АНДРЕЙ БУТОРИН
МУТАНТ

FUTURE CORP.

Метро

Андрей Буторин

Метро 2033: Мутант

«Издательство АСТ»

2014

Буторин А.

Метро 2033: Мутант / А. Буторин — «Издательство АСТ»,
2014 — (Метро)

ISBN 978-5-17-084653-5

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Когда приходишь в себя в дремучем лесу, изуродованном радиацией, не помня, кто ты, откуда и почему оказался здесь...когда твой вид вызывает почти у всех только два чувства – страх и агрессию...когда вспышка ярости в любой момент может обернуться реальной вспышкой...когда единственная надежда вернуть память – ни много ни мало Дед Мороз, и он совсем не похож на доброго волшебника из сказки...когда грешники человечнее святых, и ни в ком нельзя быть уверенным наверняка..... всему есть только одно объяснение: ТЫ – МУТАНТ!

ISBN 978-5-17-084653-5

© Буторин А., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Русланович Буторин

Мутант

Фантастический роман

Выражаю искреннюю признательность:

– моей двоюродной сестре Любе Кузнецовой за консультации, связанные с местом действия романа;

– моей коллеге Оле Тетериной за предоставленное стихотворение;

– моей коллеге Лоле Кудряшовой за то, что подгоняла меня, не позволяя сачковать;

– моей жене Марине, сыновьям Максиму и Денису за вдохновение и поддержку.

*В дорогу – живо, или в гроб ложись!
Да, выбор небогатый перед нами.
Нас обрекли на медленную жизнь,
Мы к ней для верности прикованы цепями.*

*А кое-кто поверил второпях —
Поверил без оглядки, бестолково, —
Но разве это жизнь, когда в цепях,
Но разве это выбор, если скован!*

* * *

*Но знаю я, что лживо, а что свято, —
Я понял это все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята,
Мне выбора, по счастью, не дано.*

В.С. Высоцкий

Глава 1

Пробуждение

Ветер тихо шумел в макушках разлапистых, изуродованных радиацией сосен. Но внизу, над землей, покрытой мутировавшим высоким белесым мхом, было почти безветренно. Теплый летний воздух пропитался смолистым сосновым ароматом, яркие солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь кроны деревьев, раскрасили их стволы праздничной позолотой.

Но стоявшего на коленях возле одной из сосен тщедушного, одетого в залатанный пиджачишко мужчину вовсе не трогало все это лесное благолепие. Он озабоченно хмурил куцые, выцветшие брови и шевелил тонкими, обветренными губами, словно задавал сам себе беззвучные вопросы, на которые не знал ответов. Мужчина то и дело или нервно скреб украшенную редкими белесыми волосенками голову всеми шестью пальцами левой руки, или поглаживал ее правой, вовсе беспалой ладонью.

Близко и глубоко посаженные блекло-серые глаза мужчины смотрели при этом вниз, на лежащего навзничь возле его колен, утонувшего в высоком мху человека. Впрочем, на человека

тот походил мало. Грудь и плечи его были шире, чем у обычного, средней комплекции мужчины едва ли не вдвое. Мускулистые волосатые руки тянулись вдоль тела и касались колен кончиками толстых и грубых пальцев с черными, похожими на когти ногтями. Но ужасней всего выглядело лицо этого существа: оно почти целиком поросло грубой черной щетиной, даже на вид казавшейся жесткой, как проволока, а свободные от нее верхние части щек, широкий мясистый нос и лоб покрывала темная, словно припорошенная сажей кожа. Надбровные дуги шерстистым козырьком выпирали над глубокими глазницами, что делало бы лицо этого жуткого создания похожим на лицо неандертальца, если бы не высоченный лоб, каким вряд ли могли бы похвастаться и самые «головастые» представители современного человечества. Остальную поверхность черепа украшала все та же короткая темная «проволока», отчего голова напоминала ворсистый черный шар с вытравленным в виде устрашающей маски чуть более светлым узором.

А вот одето существо было вполне по-человечески. Мало того, новизной и качеством его одежда выгодно отличалась от наряда первого мужчины. Штаны и куртка из толстой, добротной хлопчатобумажной ткани темно-серого цвета шились определенно не вручную. Возле головы валялась сделанная из того же материала высокая кепка. На ногах сидели отличные кожаные сапоги. Рядом во мху лежал защитного цвета рюкзак, также фабричного пошива.

Все это намекало на то, что жуткое создание принадлежало все-таки к роду людей из семейства гоминид в отряде приматов, но вот можно ли было его отнести к виду *Homo sapiens* – вопрос оставался открытым. Наверное, все-таки да, но тогда если определение «мутант» и подходило кому наиболее полно, то данное существо располагалось в этом списке на одной из верхних строк.

Стоявший на коленях мужчина досадливо поморщился, вздохнул, еще раз поскреб многотрадальную плешь и боязливо направил к мутанту шестипалую руку. А тот вдруг, словно почувствовав это движение, раздвинул и без того широченные ноздри и с шумом втянул в себя воздух.

Плешивого подбросило, словно пружиной. Вскочив на ноги, он метнулся к росшему неподалеку кустарнику. Прыгнул за него, упал и замер, вжавшись в землю. Затем он все же приподнял голову, чтобы не упускать из виду мутанта, однако разглядеть его теперь не мог – мешали кусты и то обстоятельство, что высокий мох полностью скрывал лежавшее в нем тело.

Между тем спавшее или находившееся до тех пор в отключке страшилище начало приходить в себя. Еще раз шумно принохавшись, мутант раскрыл глаза. Радужки оказались настолько темными, что различить их цвет было проблематично, они выглядели почти черными, будто продолжение зрачков. И еще – из глаз словно лился свет, если, конечно, свет в принципе мог быть черным.

Существо повернуло голову в одну сторону, в другую, затем одним рывком село и начало пристально оглядываться. Тут его взгляд упал на собственные руки, и странное создание дернулось так, словно увидело нечто совершенно неожиданное и страшное. Мутант начал судорожно ощупывать себя, провел ладонью по щетинистому лицу и, снова вздрогнув, застонал. Медленно, будто сомнамбула, он поднялся на ноги и обвел окружавший его лес непонимающим взглядом. Меж деревьев блеснуло зеркальной гладью маленькое озерцо. До него было не более пяти-шести десятков шагов, и несчастный страшила бросился к воде, будто решившийся на крайний шаг самоубийца. Однако он вовсе не собирался топиться, а подбежав к черной стоячей воде, всего лишь заглянул в нее как в зеркало.

Дикий рев отчаяния и боли пронесся по лесу, отражаясь многоголосым эхом. Казалось, даже ветер утих в кронах сосен, потрясенный холодом безысходности и ужаса, наполнявшего этот крик.

Существо размахнулось и ударило кулаком по воде. Волны исказили отражение, сделав его гротесково-абсурдной иллюстрацией ночного кошмара.

– Мутант!.. – простонал носитель страшного облика. – Я – мутант...

Голос его, низкий и хриплый, все же звучал вполне по-человечески. Возможно, это вернуло мутанту самообладание. Он пару раз глубоко вдохнул, потряс головой и наклонился, чтобы зачерпнуть горсть воды и охладить пылающее от возбуждения лицо.

Но сделать этого страшила не успел. Поверхность озера отразила не только его самого, но и стремительно летящее на него из-за спины что-то большое и темное. Реакция мутанта оказалась безупречной. Прыгать в сторону было уже поздно, и он просто резко присел. Быстрая тень мелькнула над головой, и, перепуганно скуля, что-то плюхнулось в озеро, обдав страшилище брызгами.

Не дожидаясь, пока прилетевшее нечто придет в себя, мутант ринулся в озеро. Тут же зачерпнул воды в сапоги – плевать! – и, не останавливаясь, добрался до барахтающегося метра в трех от берега грязно-блеклого кома живой плоти. Добрался – и в ужасе замер, когда на него сверкнули беспощадной желтизной глаза хищника. Да и глядели они с такой уродливой морды, что сам себе по сравнению с этим «художеством» страшила стал казаться почти красавцем. Однако кто именно находится перед ним, разбираться ему было некогда. Понятно, что тоже мутант, только из животного мира. Скорее всего, волк, который, отчаянно молотя лапами, подплыл уже почти вплотную и разинул жуткую зубастую пасть.

– На! – опуская на голову хищного уroda кулак, выдохнул страшила. Волк, или кто там еще, беззвучно ушел под воду.

Мутант развернулся к берегу. И увидел, что там, опасаясь лезть в воду, его поджидают еще два «волка», а трое других бегут к озерцу от кромки леса.

Теперь он смог хорошо рассмотреть хищников. Пожалуй, это действительно были мутировавшие волки. В процессе видоизменения они потеряли почти всю шерсть – остатки ее скудно покрывали морщинистое, сплошь в гнойниках и коростах, белесое тело жалкими омерзительными клочками – а заодно и хвост. Зато само туловище стало длиннее и гибче, лапы – тоже длиннее, к тому же толще; причем на передних появилось что-то вроде коротких когтистых пальцев. А вот на морды этих «мутоволков» смотреть было совсем уже тошно, по-настоящему, в самом что ни на есть буквальном смысле. В первую очередь, наверное, потому, что абсолютно безволосые, на лысом черепе, они очень уж напоминали лицо человека. Но человека до отворачивания уродливого, больного проказой или опаленного страшным пожаром. Нет, подробности мутант уже просто не мог рассматривать, понимая, что его вот-вот вырвет. Но стоять почти по пояс в воде, дожидаясь, пока мутоволки уберутся восвояси, он тоже не собирался. Во-первых, неизвестно, когда они уберутся, и уберутся ли вообще, а во-вторых, ему было почему-то стыдно стоять вот так, мокрому, загнанному в эту лесную лужу какими-то плешивыми шавками. Казалось бы, какая разница, все равно же никто не видит, – а вот стыдно, тем не менее, и все тут!

«Эх, сейчас бы ножик хороший!» – подумал мутант и машинально хлопнул себя сбоку по поясу. На удивление, ладонь опустилась на что-то твердое. Страшила поднял полу куртки и увидел притороченные к брючному ремню ножны.

– Бывают же чудеса, – доставая отличный охотничий нож, пробормотал мутант. – Может, мне еще о чем помечтать, о пулемете каком завалющем, к примеру?...

Но пулемет к нему с неба, увы, не свалился. Пришлось справляться подручными средствами. Точнее, одним подручным и самими руками непосредственно. И он неплохо справился: решительно выбравшись на берег, тут же полоснул ножом по горлу прыгнувшего на него мутоволка. Второй, подбиравшийся сбоку, увидев это, опасливо попятился, но мутант достал его кулаком – благо руки у него были длинными. Мутоволк взвизгнул, упал, подогнув передние лапы, но тут же вскочил и, разъярившись от боли, бросился в атаку. Однако, наученный опытом беспечного собрата, прыгать не стал, а нацелился зубами в ноги, намереваясь перекусить сухожилия жертвы. Тем более что та как раз отвлеклась на подбирающихся к ней трех других

особей. Но жертвой все-таки довелось стать самому псевдоволку – мутант, вроде даже и не глядя, пнул того под челюсти так, что практически сорвал с позвоночника череп, и мутоволк отлетел к воде линиялой порванной тряпкой.

С новой троицей мутант тоже не стал церемониться. Прыжок к одному, взмах, удар ножом в спину, брезгливое движение сапогом – в сторону, падаль! Крутанулся на пятке к другому, мощный пинок в живот – счастливого плавания, дохлятина! А вот третий все-таки прыгнул – от отчаяния, что ли? Ну так на, получай! Сверкнув холодной молнией, клинок вспорол смельчака от паха до горла.

Страшила, ничуть не запыхавшись, вновь подошел к озерку и тщательно – даже песочком протер – вымыл нож. И не успел вложить его в ножны, как услышал из леса истошное:

– Спасите! А-а-аа!!! На помощь!..

Крики звучали оттуда, где совсем недавно мутант пришел в себя. Чтобы добежать туда, ему потребовался лишь десяток-другой секунд. Остановившись, он завертел головой – поблизости никого не было видно.

– Мопогите! Ай!..

Голос доносился сверху. Страшила задрал голову и увидел почти на самой макушке сосны обвившего ствол руками и ногами человека. При этом одной ногой он еще и безуспешно пытался спихнуть прильнувшего ниже его к дереву... мутоволка!.. Хищник, вцепившись когтями в ствол, шелкал челюстями в попытке ухватить досаждавшую ему ногу.

«Ну дела! – мысленно ахнул мутант. – Эти твари еще и по деревьям лазают?!»

Оказалось, еще как! Чуть опустив взгляд, страшила увидел, как снизу по сосне карабкается еще один мутоволк. У мутировавших от воздействия радиации сосен ветви начинали расти с самого низа ствола, как у елей. И плешивый хищник воспользовался этим обстоятельством с исключительной ловкостью. Хватаясь короткими пальцами за ветки, он карабкался вверх легко и быстро, словно по ступеням. Еще немного, и несчастной жертве не поможет уже ничего – сразу от двух мутоволков отбиться станет попросту невозможно.

Страшила, сжимая в руке нож, подбежал к сосне и замер, соображая, что предпринять. Лезть наверх? Но под его тяжестью верхние тонкие ветви наверняка обломаются. Может обломиться и сама верхушка, и тогда они вместе с попавшим в ловушку мужчиной рухнут с этой верхотуры и переломают себе кости... Даже если останутся живы, то ненадолго – мутоволки прекратят их мучения в два счета. Срезать сук потолще и сбить им волков?... Но пока он его срезает, те уже позавтракают верещащей человечинкой.

Мутант с ненавистью уставился на зубастых уродов. Злоба вперемешку с отчаянием захлестнули его с неожиданной силой. Даже на пару мгновений темная пелена затуманила взор. А когда зрение снова вернулось к нему, страшила увидел, что сосна... полыхает огнем, словно она была спичкой, которой чиркнули о небо.

Вопли несчастного мужчины стали и вовсе истошными. К ним добавился и жалобный вой обожженных мутоволков, которые через пару мгновений один за другим ссыпались на землю, ломая по пути горящие ветки.

– Прыгай! – задрав голову, крикнул мутант затянутой густым дымом макушке сосны.

– Не-е-еет!!! – донеслось оттуда, а потом кричавший тут же закашлялся и, то ли поняв, что другого пути и впрямь нет, то ли не в силах терпеть более жар и дым, тоже полетел вниз, рассыпая искры сбитой при падении горячей хвои.

Мутант поймал его возле самой земли. Не удержавшись на ногах, повалился в высокий мягкий мох, но тут же вскочил и, прижимая к себе упавшего человека, отбежал от горячей сосны подальше и лишь тогда, встав на колени, разжал руки, выпуская из них спасенного. Впрочем, спасенного ли?... Мужчина лежал с закрытыми глазами без каких, либо признаков жизни. Перепачканное сажей лицо было неестественно бледным. Его пиджак дымился сразу в

нескольких местах. Страшила несколькими осторожными – не добить бы бедолагу! – хлопками потушил тлеющую ткань и припал к груди мужчины ухом.

Биения сердца он слышать не сумел – слишком громко у самого стучало в висках, – зато слышал другое.

– Щекотно... – не раскрывая глаз, пробормотал мужчина.

– Что?... – вскинул голову мутант.

– Я говорю, мне щекотно... было. От твоих волос. У тебя там плетка, что ли? – Говоривший по-прежнему лежал без движения и был все так же бледен. Глаза его тоже оставались закрытыми.

– Какая... плетка? – нахмурился страшила, полагая, что несчастный бредит. – Ты молчи, береги силы, я сейчас воды принесу.

Он принялся было вставать, намереваясь сбегать к озерку и хотя бы в сапоге принести воды, но мужчина снова заговорил:

– Нет, не плетка. Какая еще плетка?... Щетка, вот. Да-да, щетка. Твои волосы – щетка. Я путаю иногда слова, не обоснуй.

– Не обессудь, – машинально поправил мутант. – Ты сам-то как?

Потерпевший поднял наконец веки и приподнял голову. А увидев своего спасителя, завопил так, что у того заложило уши.

– Не бойся, – буркнул страшила. – Не трону я тебя.

– Т-т-ты уже тронул... – заикаясь и дрожа выдавил из себя мужчина. Попытался сесть, но не смог – удалось лишь перекатиться на бок, спиной к мутанту.

– И что теперь? Не надо было? Снова тебя на дерево забросить и собачек позвать?

– Н-не н-надо с-собачек... Т-только ты... т-ты чего т-такой-то?...

– Какой уж есть! – огрызнулся страшила. – Оклемался – и иди своей дорогой! А я своей пойду.

– А куда ты идешь? – повернул голову переставший заикаться погорелец.

– Куда надо, туда и иду, – сказал мутант и подумал: «А ведь и впрямь, куда мне идти? Да и кто я вообще-то такой?...»

Будто подслушав его мысли, мужчина спросил:

– А... кто ты?...

– Мутант, не видишь, что ли?!

– Ладно-ладно, не злись. Я просто... это... с непривычки. На тебя почаналу смотреть жидковато.

Мутант, хоть и был еще раздражен, не выдержал и рассмеялся:

– Где у тебя жидковато, в штанах?... Аккуратней надо пугаться!

– Да нет, я опять... это... слова спутал. Хотел сказать «жутковато».

– Жутковато – не смотри, – снова помрачнел страшила.

– Да ладно, ты не черсяй. Я чуток попривык уже.

– А нечего ко мне привыкать! Иди давай, куда шел!

– Так это... некуда мне идти... – отвернулся погорелец. Потом все-таки сел, начал ощупывать себя, горестно вздыхая, обнаружив очередную прогоревшую дырку в пиджаке.

Мутанту бросилась в глаза его беспалая ладонь. Причем видно было, что пальцы на ней когда-то были – на месте их остались коротенькие обрубки с неровными багровыми рубцами.

– Почему некуда? В лесу, что ли, живешь?

– Да можно сказать и так, – потупился мужчина. – Нет у меня бошле дома. Жив остался – и то ладно. Хотя... Может и лучше, если бы прибили, – махнул он шестипалой рукой.

Его лишний палец тоже не остался без внимания страшилы.

– За это, что ли? – кивнул он на руку собеседника. – За мутацию?

– Да не... Там у нас все с мутациями. Просто морозильники кругом.

– Какие еще морозильники?... – задумался страшила. В голове у него забрезжила некая ассоциация с этим словом, но ухватить он ее, как ни пытался, не смог. Почему-то вспомнилось лишь название города – Великий Устюг¹. Поэтому он неуверенно спросил:

– Ты из Устюга, что ли?

– Нет, я из Лузы. Слышал? Кировская область, милокетров сорок отсюда. А морозильники – не морозильники, нет. А эти... как их?... холодильники. Нет... отморозки, во!

И он, торопясь, глотая и безудержно путая одни слова и переставляя буквы в других, стал рассказывать, что всю жизнь прожил в Лузе, никого не трогал, даже семью не завел («месью», поначалу сказал он, и мутант не сразу понял, о чем тот, в голову пришла было не очень похвальная для рассказчика ассоциация). Зато с самого детства любил письменное слово, все время что-то писал, писал, дневник вел, даже сарказмы (как выяснилось, рассказы) сочинял. А потом придумал городскую газету выпускать. Ну как газету – рукописный листок парой-тройкой десятков экземпляров раз в месяц. Описывал разные местные события да расклеивал по городу. А какие там события? Кого-то убили, кого-то ограбили... В общем, за эту газету и поплатился. Те, о ком он в очередной раз написал, пришли к нему, избili, отрубили пальцы (которыми он якобы писал – не знали, к счастью, что он левша от рождения), да из города вышвырнули, обещая убить, если увидят его в Лузе еще когда-нибудь.

– Вот и брожу я, скакаюсь по лесам, – закончил мужчина свое повествование. – Хорошо если приютят в какой деревушке на ночь, картохой-другой накормят. И я прошу тебя!.. – встал он вдруг на колени и молитвенно сложил руки. – Не прогоняй меня! Мне все равно, куда ты пойдешь – я за тобой, как босючка... собачка, то бишь... Я тебе во всем помогать буду! Ты вон какой герой, из огня меня спас! Я все твои подвиги записывать стану, буду твоим пистолетцем!

– Кем?... – округлил глаза мутант. Хоть он уже и стал привыкать к оригинальному стилю речи своего собеседника, но на сей раз аналогии сказанному он найти не сумел. Не стрелять же этот беглый лузянин из себя предлагает! Чем – даже домысливать не хотелось.

– Пистоле... то есть, этим... как его?... летописцем. У меня и блокнот толстый есть, и ракандаш, ты не думай! – полез за пазуху «пистолетец».

– погоди, – остановил его мутант и усмехнулся. – Ты извини, но я понять не могу, как ты чего-то писать умудряешься, если и связать-то два слова толком не можешь?

– Это я устно не могу, мутация, наверное, такая. А письменно – о-го-го!

– Так вот, – посмурнел опять страшила. – Никакого мне ни пистолетца, ни летописца не надо. Подвигам я больше совершать не собираюсь, да и идти мне тоже некуда.

– Почему?

– Потому что я не знаю, куда мне идти! – рявкнул мутант. – Потому что я вообще не знаю, кто я такой! Не помню я ничего о себе, понял?! Я очнулся вон под той сосной, словно гриб какой безмозглый!..

– Подсосновик... – пролепетал погорелец.

– Ага, подхреновик!.. – выругался страшила, и вспышка гнева в нем сразу погасла, навалилась лишь внезапная усталость.

– Тогда тем более, – сказал мужчина.

– Что?...

– Тем более нам нужно вместе дежраться. Вдвоем-то селевей. И не так страшно... А как тебя зовут, помнишь?

– Говорю ж тебе, гриб... – вяло буркнул мутант.

¹ Великий Устюг (прежнее название Устюг) – город в России, административный центр Великоустюгского района Вологодской области. Великий Устюг располагается в 450 км к северо-востоку от Вологды на левом берегу реки Сухоны против слияния ее с рекой Юг, на судоходных линиях этих рек и Северной Двины. Один из древнейших городов на русском Севере, сохранивший богатое культурное наследие. С 1999 года объявлен родиной всероссийского Деда Мороза. (*Материал из Википедии, прим. автора*)

- Тогда уж Глеб. Точно, давай ты тогда Глебом будешь?
- Пусть так, мне все равно. А у тебя, пистолетец, имя есть?
- Ну... Так вот, ты же сам сказал: Пистолетец. Так и дальше зови.
- Что, не доверяешь? Думаешь, в Лузу твою побегу, сдам тебя «морозильникам»?
- Нет-нет, – замотал головой Пистолетец. – Протсо моя старая жизнь закончена. Я новую хочу начать. С чистого глиста!
- Нет уж, – поморщился новоявленный Глеб, – вот только давай без глистов как-нибудь обойдемся.
- Так ты согласен?! – вскочил на ноги мужчина.
- Посмотрим. Как вести себя будешь. Только что нам дальше делать, я все равно не знаю.
- Лично я бы для чанала покушал... – скромно потупился Пистолетец.

Глава 2 К людям

Покушать Глебу и Пистолетцу удалось, и даже вполне неплохо. Сам Глеб в первые мгновения после «пробуждения» находился в такой прострации, что даже не заметил лежащего возле себя рюкзака, зато его новый спутник, оказывается, его видел, о чем и сказал мутанту. Помимо рюкзака там же нашлась и матерчатая кепка, которую Глеб тут же нацепил на голову.

А содержимое рюкзака порадовало обоих. Там оказалась буханка хлеба, большой кусок копченого мяса, мешочек вареной «в мундире» картошки, полная брусничного морса фляга, а также две смены чистого белья, толстые шерстяные носки, небольшой зачехленный топорик и упаковка спичек – целых десять коробков.

– Ого! – увидев спички, выпучил глаза Пистолетец. – Вот это да! Такое богатство! – Видимо, от волнения он даже не перепутал ни слова. – Откуда же ты такой взялся?...

– Говорю же тебе, не помню! – раздраженно бросил Глеб. – И где ты тут увидел богатство?

– Спички. У нас в Лузе их днем с гонем не сыщешь! На один такой бокорок можно столько еды выманить!.. Так что давай их особо не трать. Ой, изыди, ты же хозяин, так что как хочешь. Но я бы не стал.

– А я вот стану! – буркнул мутант. – Сейчас устрою фейерверк сразу из всего этого богатства.

– Зачем?! – с болью в глазах простонал Пистолетец.

– А затем, что нечего мне idiotских советов давать! Я память потерял, а не мозги.

Пистолетец испуганно притих и стал похож на поджавшую хвост провинившуюся собаку. Впрочем, назревающая была ссора – на пустом, в общем-то, месте – потухла, так и не разгоревшись, чему способствовали аппетитнейшие запахи, распространяющиеся из рюкзака.

Поев, повеселели оба.

– Ну что, – сказал Глеб. – Коли уж навязался мне в провожатые – давай, веди.

– Куда?... – заморгал Пистолетец.

– Да все равно, куда. Не торчать же здесь! Ты же сам говорил, что все тут вокруг исходил, вот и соображай, куда лучше податься. Может, в деревню какую, к людям. Поговорим, порасспросим.

– Ну... ты хоть понмишь, что здешние люди – это мутанты?

– Это я, даже если бы не помнил, смог бы сообразить. Какая тут может быть защита от радиации?

Глеб сказал это и задумался. Все-таки, оказывается, он забыл далеко не все. Про радиацию помнит, про то, что в деревнях и селах района живут только «дикие» мутанты, тоже знает. Так, стоп!.. Почему именно «дикие»? Значит, есть какие-то еще?... Вот сам он, например – «дикий» или нет? Судя по одежде и содержимому рюкзака – не очень-то похоже. А на что похоже? Кто же, леший его побери, он такой и откуда?! И почему оказался в этом лесу?... Кстати, если он знает, что в деревнях живут только мутанты, то где-то еще могут жить и немутировавшие люди? Где? И не оттуда ли он сам?... Правда, он-то как раз мутант, но ведь для себя уже сделал предположение, что не «дикий»... Может, там, откуда он, живут как «недикие» мутанты, так и обычные люди? Вполне возможно... Да-да, так, оно, наверное, и есть! Ну, давай, вспоминай!

Глеб изо всех сил напряг память. Даже зажмурился от усердия. И... кое-что действительно вспомнил! Мрачные кирпичные стены. Тусклый электрический свет. И полки с книгами. Много-много книг! О, книги!.. Добрые, умные, верные друзья...

– Эй, ты что, заглох? – вернул Глеба к действительности встревоженный голос Пистолетца.

– Не груби! – буркнул недовольный мутант. Надо же, как обидно, ведь начал уже что-то вспоминать, а тут этот приставучий огрызок!..

– Нет-нет, я нет... Я просто испугался. Зову тебя, зову, а ты молчишь. И глаза закрыты. Думал, хлопо тебе. Плохо, то есть. Худо.

– Эх, хлопнул бы я тебе, чтобы тоже худо стало! Ладно, куда ты там меня звал, обормот говорливый?

– Я еще по той, прошлой... нет, уже позапрошлой жинзи помню, что где-то тут должно быть большое село Ильинское. Там раньше и школа была, и гамазины, и почта, и даже церковь. Разрушенная, правда.

– Разрушенная церковь?... – насупился Глеб. В его мозгу от этого словосочетания вновь началась некая реакция, но устойчивой ассоциации так и не возникло.

– Это не я! – торопливо выпалил Пистолетец.

Мутант, не удержавшись, фыркнул.

– Ай-яй-яй! Как же мы теперь без церкви-то? Надеюсь, хоть почту ты пощадил? Да и школа нам сейчас – во как нужна!

– Я правда ничего не разрушал!.. А зачем нам церковь? И почта? И школа?... Не думаю, что они сейчас таробают, даже если целы.

– Как это зачем? Разрушать! Страсть как люблю почты со школами рушить.

– З-зачем?...

Мутант развел и согнул в локтях руки, сжал кулаки, напряг мускулы.

– Так ты посмотри на меня. Я же истинный разрушитель!

Выражение лица Пистолетца стало таким обалдевшим, что Глеб не выдержал и расхохотался.

– Да шучу я, шучу, – отсмеявшись, сказал он. Но не сдержался и добавил: – Я разрушаю только живое. Веди давай в свое Ильинское.

* * *

Село Ильинское и впрямь оказалось близко. Сначала путники вышли на сильно заросшую травой и кустарником дорогу. Пистолетец обрадовался, затараторил, что это точно та дорога, которая им нужна, что она тут одна всегда была, что теперь они считай дошли, что все будет замечательно и прекрасно, и что-то еще, маловразумительное и пустое – Глеб перестал вникать в смысл этого тарактенья. Он шел и думал о своем. Пытался вспомнить, кто он такой и почему здесь оказался. Ничего из этого не вышло. То есть по-прежнему вспоминались темные кирпичные стены и книги, много книг. А еще что эти стены всплыли у него в памяти после упоминания Пистолетцем разрушенной церкви. Наверняка ведь неспроста! Но о чем это может говорить – неужели о том, что он жил в разрушенной церкви? Маловероятно. Если она разрушена, то как же в ней можно жить?... Ладно, что там еще? Название Великий Устюг вспомнилось после того, как Пистолетец сказал о морозильниках. Может, он из этого самого Устюга? Кто его знает, все может быть, конечно. Но при чем здесь какие-то морозильники? Снова загадка без ответа.

А еще Глебу вспомнилась вдруг вспыхнувшая сосна. Что это было? На небе в тот момент не наблюдалось ни облачка, так что молнию можно было исключить сразу. Неосторожное обращение Пистолетца с огнем? Так у того и спичек-то нет, да и как от одной спички может сразу вспыхнуть целое дерево? Или здесь от воздействия радиации создалась некая аномалия? Но разве такое от радиации бывает?... Короче говоря, очень странное происшествие. Пожалуй, не

менее загадочное, чем тайна его собственного происхождения. И никакого намека на решение этих загадок!

Между тем, дорога вывела путников к цели. Завидев впереди дома, Глеб остановился.

– Ты чего? – обернулся прошедший вперед Пистолетец.

– Да вот думаю, не делаем ли мы ошибку...

– Ошибку? Какую?

– Что идем сюда. Ладно бы деревушка была маленькая, а тут, смотри, и впрямь большое село. А вдруг здесь чужаков не любят? С толпой мне будет не справиться.

– Так ты же мутант! И я тоже, хоть до тебя мне нелегко. А тут тоже мутанты живут. Почему они должны нас не любить?

– А почему должны любить? Чужаки и есть чужаки. К тому же, здесь живут «дикие» мутанты, а мы... – Глеб запнулся и призадумался. А ведь и правда, кто они с Пистолетцем для местных? Ну, ладно еще лузянин – скажет правду, да и все. Беженца должны пожалеть. Вон, хоть руку свою беспалую покажет в доказательство – и уже сочувствие вызовет. А сам Глеб? Что скажет он? Правду?... Кто в такую правду поверит? Сказать, что тоже «дикий» откуда-нибудь издалека – так одет слишком уж цивильно. Раздеться разве что и голышом переть? Так ведь за зверюгу какую примут с его-то внешностью, на вилы поднимут еще...

Наконец он принял решение и сказал:

– В общем, так... Я пока остаюсь здесь, а ты иди в село. Походи, поприглядывайся. Узнай, у кого можно остаться на ночлег – на всякий случай ночи на две-три. Если станут спрашивать, кто ты такой и откуда, говори правду, ничего не выдумывай. Но вообще болтать старайся поменьше. Больше смотри и слушай. И обрати внимание, как с тобой будут себя вести сельчане. Целоваться, конечно, вряд ли полезут, но если хотя бы не драться – уже хорошо.

– Ага, а если?... – Пистолетец изобразил лаконичный жест кулаком в скулу.

– Ничего, переживешь. Да и на кой ты им сдался руки о тебя пачкать?

– А как же ты? Что, прямо здесь ченовать будешь?

– Ты вот насчет своих «ченовать» там поосторожней, кстати! Контролируй себя. А то ляпнешь что-нибудь ненароком – не только в село не пустят, а еще и по шее наваляют.

– Ну... – развел руками Пистолетец, – постараюсь...

– А насчет меня... Когда найдешь того, кто согласится тебя пустить, тогда и скажешь ему обо мне. И тоже правду. Да опиши меня поточней и покрасочней, чтобы мое появление хозяина не шокировало. Если после этого откажет – не спорь, ступай искать того, кто согласится. А потом дождись, когда начнет смеркаться, и бегом сюда. А я пока тут вот, под кустиком покемарю.

Пистолетец помялся, собираясь, видимо, что-то спросить, но потом махнул шестипалой рукой и споро зашагал в сторону села.

Спохватившись, Глеб выкрикнул вслед:

– Только ты Пистолетцем себя не называй! Распугаешь народ... Скажи, что тебя зовут... Толей.

Эффект от этого был такой, словно мутант бросил в своего спутника камнем. Тот будто споткнулся, сжался, замер, а потом медленно, точно и впрямь ожидая удара, повернулся.

– А ты как узнал, – настороженно выдавил Пистолетец, – что меня Толей зовут?... Я ведь тебе не говорил.

– Раз не говорил, то как я мог узнать? Пистолет... Вот тебе и Толя! Сказал первое, что на ум пришло. Или ты что, до сих пор думаешь, что я прихвостень твоих «морозильников»? Так неужели бы ты меня, такого приметного, ни разу в своей Лузе не увидел? И неужели бы я тебя спасать тогда стал?... У тебя что, с мозгами совсем непорядки?

– Нет-нет, – замотал головой Пистолетец. – Просто я как-то... не дождался... – Он снова повернулся лицом к Ильинскому и быстро, почти бегом, затрусил вперед.

– Идиот малахольный!.. – пробормотал Глеб. Затем зашел за ближайший куст, вытянулся на траве, подложив под голову рюкзак, и на самом деле решил поспать до сумерек. Был, конечно, риск стать добычей хищников, но, во-первых, жилье рядом, вряд ли тут зверье толпами разгуливает, во-вторых, он отчего-то был уверен, что даже во сне услышит и учует приближающуюся опасность, а в-третьих, что же теперь, всего и всех бояться? Пусть лучше всё и все боятся его.

Однако поспать Глебу толком не удалось. Казалось, только смежил веки, а вот уже пресловутое чутье выдернуло его из сонного состояния, заставило схватиться за нож и бесшумно вскочить на ноги. Тревога оказалась ложной, это всего лишь вернулся Пистолетец.

– Ты чего так быстро? Я же сказал тебе до сумерек ждать! Или тебя все-таки прогнали?

– Не, не прогнали, – расцвел улыбкой лузянин. – Наоборот, зовут нас.

– Кто это нас зовет? И почему во множественном числе? Там что, так много желающих нас принять?

– Ага. Там сразу десять, а то и больше жимуков брови таскают.

– Друг у друга? – угрюмо поинтересовался Глеб.

– Что друг у друга?... – перестал улыбаться Пистолетец.

– Брови таскают. Волосы уже повыдергали, теперь за брови принялись. Ты что, трепло, сразу всем про меня выболтал? Я тебе что говорил?

– Так ты же сам!.. Ты же это... рассказать тому, кто меня захочет простить... постить... пустить!.. А они все захотели! Вот я всем и...

– Вот прям-таки все? – прищурился Глеб.

– Ну, – замаялся Пистолетец, – трое сразу сказали: ночуй... Я же не мог им троим на ухо про тебя пештать! Другие бы того... замосневались.

– Зато теперь я мосневаюсь, на кой хрен я с тобой связался, – сверкнул глазами мутант. – Теперь они там нас, наверное, с вилами да кольями поджидают.

– Не... – залепетал съезжившийся лузянин. – Они не с кольями... они с бревнами.

– Что?! – осекся Глеб. – С какими еще бревнами?

– Так я же сказал: они бревна таскают. Дом кому-то борисаются строить.

– Тьфу ты, косноязыкий! Брови, брови!.. Догадайся тут, что это у тебя бревна так называются... И ты, значит, всей этой коdle про меня и выложил? И что они?

– Не поверили. Заскали, что обезьян тут не водится. Да еще говорящих.

– Вот кто из нас говорящая обезьяна, так это ты! Болтливая, глупая, косноязыкая обезьяна. Макака!.. Все, быстро делаем отсюда ноги!

– Но... как же?... – замахал руками Пистолетец. – Ждут же!..

– Тебя ждут, ты и иди, – забросил рюкзак за спину Глеб. – Авось пожалеют убогого, не зашибут. А мне еще пожить маленько хочется.

– Так живи, – раздалось из-за куста. – Хошь и не маленько. Леса, вон, избу срубить, всяко хватит.

– На гроб его еще меньше понадобится, – сжав ручку ножа и собравшись в комок, буркнул под нос мутант.

Глава 3

Ильинское

Показавшийся перед Глебом мужчина на первый взгляд выглядел вполне обычным человеком. Невысокий, плотный, – как говорится, крепко сбитый – он был одет в серые, из грубой ткани штаны, обут в лапти и сжимал в здоровенном кулачище топор. Выше пояса крепыш был обнаженный, и вот тут-то у Глеба пропали всякие сомнения – перед ним стоял все-таки мутант, поскольку тело незнакомца сплошь покрывали большие, неприятного «мясного» цвета пятна, кожа шелушилась так, что выглядела мохнатой, да к тому же пестрела коростами и язвами. Таким же пятнистым оказалось и лицо, которое несколько скрашивали лишь густые темные борода и усы. Голову покрывал бесформенный засаленный картуз, который мужчина на миг приподнял и вновь натянул на довольно обширную, усыпанную язвами лысину.

– Коли о гробах тока думать, – сказал он, прищурившись, – пошто и жить-то тогда?

– Подумаешь тут, когда, вон, с топорами встречаются, – мотнул головой на руку собеседника Глеб.

– Так не знаем ишшо, чем тебя встречать, вот и... – усмехнулся в усы пятнистый, но тут же себя оборвал: – Ладно. Откель сам-то? Кто таков? Страшон уж ты шибко...

– Какой уж есть, – буркнул Глеб. – А вот откуда я и кто – мне и самому неведомо. Память я потерял. Тебе этот, что ли, не сказал? – кивнул он на Пистолетца.

– Сказать-то сказал, да тока кто ж теперя пустым сказкам верит? Одно ладно, что мутанты вы, а то бы и вовсе говорить ничо не стал. Тока вот не «дикие» вы... Эвон, одежда на тебе какая баская! Из городу ты, парень.

– Может, из города – говорю же, не помню ничего, – нахмурился Глеб. – А ты, коль не веришь иль испугался меня, то так и скажи сразу, мы дальше пойдем.

– Я уже в мамкином пузе никому не верил. А пужаться тебя мне непошто. Чай, не один я тут, – мотнул головой назад мужчина. – Как бы вам самим не напужаться, коли чо...

– Ладно, короче: пустите нас переночевать? – начал терять терпение Глеб.

– Так уж сказано было – Толяну, вон, – пустим. Ты хоть звать-то тебя помнишь как?

– Глеб, – буркнул мутант.

– И то ладно. А меня Макусином зови, – мужчина повернулся и призывно махнул рукой: – Идем! С мужиками покумекаем, чо с вами делать.

– Я же роговил!.. – радостно зашептал двинувшемуся следом Глебу Пистолетец, но тут же получил в бок локтем и сразу заткнулся.

На самом краю села, чуть в стороне от пронзавшей его насквозь дороги, и впрямь занимались строительством; около десятка мужчин, таких же коренастых и бородатых, как Макусин, и тоже по пояс раздетых, ставили сруб. Увидев возвращающегося товарища, они прекратили работу, разогнули спины и пристально уставились на «гостей» – вернее, на «гостя», поскольку Пистолетца они уже видели, да и выглядел Глеб, что ни говори, куда экзотичней своего плюгавого спутника.

Глеб всем своим видом старался показать, что ему эти «гляделки» совершенно безразличны, но сам при этом отмечал тонкости настроения встречающих: мужики тоже старались казаться невозмутимыми, но в некоторых взглядах сквозило неумное, почти детское любопытство; какие-то выражали неприятие, даже брезгливость; в каких-то читался откровенный страх. А еще он заметил, что все без исключения мужчины являлись несомненными мутантами – почти у всех, в большей или меньшей степени, кожу покрывали такие же, как и у Макусына, «мясные» пятна, коросты и струпья. У троих были лишние пальцы на руках, у одного вместо

правого глаза выпирала кожистая шишка, еще один демонстрировал култышку третьей руки, торчавшую из центра грудины.

Не доходя до строителей шагов пять-шесть, Глеб и Пистолетец остановились. Макусин же подошел к своим товарищам и сказал, мотнув головой на Глеба:

– Вот он. Не помнит ничо: кто таков, откель... Что скажете?

– Так ить как он и помнить-то станет? – неуверенно проговорил обладатель култышки. – Он же этот... обезьян...

– Не, Степан, не мели напраслины! – замотал головой еще один местный. – Гли-ко, одет-то он по-человечьи, справно.

– А чо, на обезьяна, што ль, пижнак со штанами не натянуть? – встал на защиту первого мужика кто-то еще.

– Кто это станет такое добро переводить? Совсем кто шальной разве... Гли-ко, материя у одежды баская² какая!

– Да и где тутока обезьяну-то взяться, дурилы? – подключился к спору очередной мужчина. – Откель он сбежал бы? Зоопарков, поди, и в Вологде не было.

– Так ить и волки раньше по деревьям не лазили. И коркодилы по небу не летали. Мы-то, вон, тоже красавцы...

– Мы рядом с ним красавцы и есть, – нервно хохотнул тот, что с култышкой.

Глебу надоел этот бессмысленный треп. Ему ничуть не было обидно, просто он и впрямь заскучал. Он даже зевнул. И деликатно поинтересовался:

– Вы еще мозоли на языках не натерли? А то потом есть больно будет.

Строители разом дернулись и замерли, будто каменные статуи.

– Говорящий... – наконец выдохнул кто-то.

– Твою ж тудуть в кочерыгу! – взорвался вдруг молчавший до этого Макусин. – Мужики, вы чо, ошалели? Или брагой опились, пока меня не было? Вы чо, волосьев николь не выдывали? Ну, поболе их у парня, чем у нас, так чо с того? Он ужо и не человек теперича? У тебя, вон, Мартын, у самого баба волосатая, так ты ж ее не в зоопарку каком нашел – сама такая уродилась.

– Дык вить то баба... – забормотал одноглазый, оказавшийся Мартыном. – И у Таньки моей рожа-то без волос. Да и титьки ишшо...

– С титек-то сам, поди, волосья оборвал? – загоготал кто-то из мужиков, и это будто стало неким сигналом – все остальные тут же подхватились, грохнули в десяток глоток, и сразу расслабились, преобразились, перестали выглядеть ошалевшими болванами.

Хохотал вместе с ними и Пистолетец. Да и сам Глеб, заразившись, не смог удержаться – растянул губы в улыбке.

Отсмеявшись, мужики определенно подобрели; смотрели на путников уже не удивленно, не пугливо, не настороженно, а с толикой некоторого превосходства, или, скорее, попечительства: дескать, мы тут хозяева, вы наши гости, так что сильно не духаритесь, знайте свое место, тогда и мы вас в беде-обиде не оставим.

– Вот что, – посмотрел на отправившееся уже к закату солнышко Макусин, – с избой на сегодня шабаш, все одно – какая теперича работа... Глеб с Толяном ко мне пойдут – на повети³ места хватит.

– А чо к тебе-то? – выступил вдруг обладатель недоразвитой третьей руки Степан. – У нас повети тоже имеются.

² Баская – красивая. (Прим. ред.)

³ Поветь – помещение под кровлей нежилой постройки. В сельской местности Вологодской области так называют сеновал, расположенный, как правило, над хлевом. (Прим. автора)

Мужики одобряюще было загудели, но Макусин цыкнул на них, подобрал лежавшую в траве под кустом грубую серую рубаху, неспешно ее натянул и сказал:

– Повети у всех имеются. Тока гостей на всех все одно не хватит. Не драться же теперь из-за них? Вот я их и возьму к себе. А вы, кто желает, подгребайте ко мне, как солнышко сядет. Манька моя картохи наварит, вы тож чего ни есть пожевать с собой волоките – посидим, побалакаем.

– У меня бражка есть, свекольная, – заикнулся кто-то.

– Бражку само собой волоките, – кивнул Макусин. – У меня тож ее малость имеется. Тока шибко много не тащите, по баклажке на брата – и хватит. А то завтра робить⁴ не сможете.

Мужики натянули сложенные под кустом рубахи, похватали инструмент и шустро разошлись по домам – готовиться к «вечеринке». Видать, не так уж часто выпадали им такие праздные часы, да и поговорить с необычными гостями хотелось определенно всем.

Дом самого Макулина оказался поблизости – через две избы от строящейся. У него была даже не изба в точном понимании этого слова, не бревенчатый сруб, а крытый потемневшим от времени, потрескавшимся шифером, сложенный из также почти черного уже бруса «коттедж» на два крыльца – построенный еще наверняка до Катастрофы. Собственно, из таких на две семьи «коттеджей» состояла едва ли не половина Ильинского.

Во дворе у Макулина, возле покосившегося сарая, был врыт в землю большой дощатый стол с грубыми скамьями вдоль каждой стороны. Вероятно, хоть, может, и не часто, посиделки хозяин устраивать любил. А возможно просто его семья предпочитала в теплую пору трапезничать на свежем воздухе.

Метрах в трех от стола, с двух его сторон, чернели два обложенных закопченными камнями круга. Хозяин набрал дров из сложенной вдоль изгороди поленницы, сложил их в кострищах. Поджигать пока не стал – было еще довольно светло, хотя солнце уже село. Кивнул Глебу с Пистолетцем на скамью возле стола, приглашая садиться, сам же зашел в дом, но скоро вернулся с деревянной баклагой и тремя алюминиевыми кружками. Две наполнил доверху, в одну плеснул на дно. Полные поставил перед гостями, поднял полупустую:

– Давайте, за знакомство.

– Может, подождем остальных? – спросил Глеб.

– И с остальными успеете. Вы-то находились сегодня, так что с устатку шибко добро́ будет... Да и не робить вам все одно завтра, так что и поболе принять можно.

Собственно, Глеб догадывался, чего добивается хозяин: подпоить гостей, чтобы языки развязались – авось и проговорятся, брякнут то, что ранее скрыть собирались. Но поскольку Глеб все равно ничего не помнил, то опасаться собственной болтливости ему было незачем, а унять взбудораженные мысли и нервы определенно хотелось. Так что спорить он не стал, взял кружку, чокнулся с хозяином и Пистолетцем и принялся жадно глотать ядреную, отдающую свеклой брагу – собственно, он только сейчас понял, что уже давно испытывает жажду, так что хмельной напиток пришелся весьма кстати не только в качестве «успокоительного».

Стоило Глебу и Пистолетцу опустошить кружки, Макусин тут же наполнил их снова. Себе наливать не стал, но кружку приглашающим жестом поднял:

– Чтоб память вернулась.

Глеб про себя лишь усмехнулся: его догадка оправдывалась, хозяин в самом деле торопится их напоить, чтобы развязать языки. И хоть ему, кроме завтрашнего похмелья, перебор выпитого ничем не угрожал, осушать вторую кружку не стал, отпил с четверть, не более. И сам решил попробовать разговорить Макулина.

– Вот ты говорил, что мы не «дикие», – сказал он. – А кто тогда? Какие могут быть варианты?

⁴ Робить – работать. (Прим. ред.)

– Варьянты? – почесал корявую плешь Макусин. – Варьянтов не шибко много. Ну, Толян, знамо, мутант с Лузы, тут варьянт простой. Коли не врет, конечно, – бросил он на Пистолетца хлесткий, с прищуром взгляд, и лузянин, поперхнувшись брагой, закашлял, заерзал, замахал руками:

– Кхе!.. Не... кхе-кхе!.. Не рву я! Кхе-кхе! Зачем мне? У меня вон что, – ткнул он под нос Макусину беспалую ладонь, – а ты...

– Ладно, ладно, – отодвинул хозяин от лица руку гостя. – Не гоношись. Это я так, для примеру, – и продолжил, обращаясь уже непосредственно к Глебу: – А вот ты... Ты, брат, из городу, по рукам да по одеже видно.

– По рукам? – уставился на свои ладони Глеб. – А что по моим рукам видно? Волосатые они, только ладошки и голые. Ну и ногти у меня черные, на когти больше похожи. Так разве в городе у всех такие? А если в городе, то в каком?

– Волосатые, поди, не у всех, – усмехнулся Макусин. – И когти, небось, не у всякого растут. А только вот нетути ни у кого в деревнях таких гладких ладошек. Не робил ты, Глебушка; ни топора, ни лопаты в руках не держал, земли не пахал, сена не косил, картошки не копал. А вот што за город... Так либо Луза, либо Устюг – другие-то далеко, да и живет ли там кто – незнамо.

– Нет, не Луза, – замотал головой уже слегка захмелевший Пистолетец. – В Лузе бы я... бы я бы... бы... это... такого зверилу не смог не того... бы.

– Сам ты зверила! – пихнул его в бок Глеб. – Ты еще больше выпей, а то у тебя пока «бы» слишком хорошо получается.

– Прости, – заморгал Пистолетец. – Я хотел... это... верзила...

– Ты вообще лучше помалкивай. Тут без тебя хоть бы в чем разобраться, – буркнул мутант и вновь посмотрел на хозяина. – Так значит Устюг?

Макусин пожал плечами, плеснул себе, снова на доньшко, браги, выпил.

– Знамо, Устюг. А коли так – морозовец ты, не иначе. Ежели, конечно, Святая в каратели мутантов брать не стала.

– Что? – нахмурился Глеб. – Какой еще «морозовец»? Какая Святая? Ты ясней говорить можешь? А то тоже, как этот вон, – кивнул он на погрустневшего Пистолетца, – про морозильников плел...

Тут он осекся и замер. Так вот какую ассоциацию вызвали у него те самые «морозильники»-отморозки из Лузы!.. «Морозовцы». Конечно же, «морозовцы»! Это слово он определенно раньше слышал. И не раз. Но кто это такие, вспомнить все равно не мог, как ни старался. Равно как и то, был ли он сам этим самым морозовцем.

– Что, вспомнил? – по-своему понял его реакцию Макусин.

Но ответить Глеб не успел – во двор один за другим потянулись давешние мужики-строители. Хозяин же направился к приготовленным в кострищах поленьям – хоть в первой половине лета на севере ночи не темные, однако период пика «белых ночей» уже закончился, так что для лучшего освещения, а особенно для отпугивания озверевших комаров костры были хорошим и в данном случае, пожалуй, единственным средством.

Мужчины, как им и было велено, принесли с собой еду и выпивку. Но если хмельное здесь водилось только одного сорта – разве что двух разновидностей: брага свекольная и брага ягодная, – то съестное отличалось несколько бóльшим разнообразием. Пришедшие выложили на стол как уже упоминавшуюся вареную картошку, так и пареную репу, морковь (прямо с грядки, с ажурными зелеными хвостиками), горох в стручках и он же россыпью, рыбу – копченую и вяленую (кто-то принес сырую, свежевывловленную, и Макусин передал ее показавшейся на миг из дома жене), а одноглазый Мартын расщедрился даже на половину курицы, хорошо прожаренной, с аппетитной румяной корочкой.

Браги же, хоть и предупреждал работников Макусин, оказалось все же больше, чем требовалось. Так, во всяком случае, думалось Глебу, хотя у его соседей по столу наверняка имелось собственное, прямо противоположное мнение. Но как бы то ни было, хмелели мужики быстро, а мутанту хотелось прояснить и расширить полученные от Макусина сведения. Да что там, он просто горел от нетерпения продолжить начатый разговор, ведь сейчас могло наконец выясниться, кто он такой и откуда. Пусть без «почему», «зачем» и «как», но хотя бы что-то...

И он, осушив залпом полкружки браги, не выдержал. Вперил тяжелый взгляд на хозяина и громко, перебивая сумбурный застольный гам, спросил:

– Так кто я все-таки, морозовец или каратель?

За столом тотчас повисла тишина. Напряженная и недобрая. Угрожающе поблескивали красным отражающие пламя костров глаза. Глебу стало совсем неудобно.

– Чего вы примолкли-то все? – выкрикнул он. – Что я не так сказал? Я ведь не помню ничего, повторил только, что Макусин говорил.

– Ты говорил? – повернулся к хозяину сидевший с ним рядом мужик. – Откель знаешь, что он каратель?

– Да ничо я не знаю! – прихлопнул по столу ладонью Макусин. – Ишь, нахохлились, расщеперились⁵, как куры под петухом... Я сказал, что из Устюга он, не иначе. А коли так, то морозовец, али каратель, кто ишшо-то?

– Не, не может он карателем быть, – выдохнул Семен, у которого из-за культяпки третьей руки нелепым горбом топорщилась спереди рубаха. – Туды ить мутантов не берет.

– Так в сами каратели, поди, и не берут, – прищурился Макусин. – А ежели в прихвостни ихние, в шпиены?... Он тут позыркает, непорядки унюхает, да своим и доложит. А те ужо и пришлепают.

– Да какие шпионы, какие каратели?! – вскочил Глеб. – А если морозовец – лучше?... Что вы вообще тут мелете? Хоть объясните, в чем вы меня подозреваете?

– Объясним? – сверкнул на хозяина единственным глазом Мартын.

– Сам объясню, – буркнул Макусин и рыкнул на Глеба: – А ты сядь! Ишь, вскочил, как волдырь на жопе!.. И налей себе браги-то, поуспокойся чуток. Покеда ты мой гость, никто тебя не тронет, будь ты хошь сама Святая с яйцами.

Кто-то гоготнул, остальные подхватили. Обстановка разрядилась, хотя напряжение окончательно не ушло.

Глеб сел, налил браги, хотел выпить, но его тронул за рукав Пистолетец и шепнул:

– Мне тоже блесни. Страшно...

– Не бойсь, – шепнул в ответ Глеб, но браги напарнику «блеснул». Примерно с треть кружки.

Остальные тоже потянулись за баклажками, наполнили емкости, выпили, приготовились слушать Макусина.

Тот же лишь помочил усы, едва ли сделав и пару глотков. Потом обхватил ладонями кружку и заговорил, глядя в нее, словно наблюдая в хмельном содержимом некое действие.

Говорил он медленно, веско, но из-за скудости лексикона и местечкового коверканья слов не очень понятно. Впрочем, главное Глеб все-таки уяснил.

Из рассказа Макусина выходило, что Великий Устюг сильно разрушен, в том числе и храмы. В подземельях под ними и в древних подземных ходах живут не мутировавшие люди – так называемые «храмовники», над которыми стоит некто «Святая». На поверхности для них слишком большой уровень радиации, поэтому вылезают они из подземелий редко, да и то лишь в защитной одежде и масках. Зато наверху в пределах города обитают люди-мутанты, возглавляемые «Дедом Морозом» – тоже мутантом, выдающим себя за легендарную личность,

⁵ Расщепериться – широко разместиться: расставить ноги, распушить перья, рассестся и т. д. (Прим. ред.)

за что и получили неофициальное название «морозовцы». А по району рассеяно много сел и деревень, больших, таких, как Ильинское, и совсем маленьких, зачастую всего в две-три избы. Их также населяют мутанты. Причем, многие из них хотят жить в городе, где за прошедшие после Катастрофы пару десятков лет стало довольно безопасно и комфортно. Но храмовникам не нужно столько потенциальной опасности у себя под боком. Они запрещают «диким» мутантам появляться в городе. Опасаясь группирования «диких» в большие организованные сообщества, храмовники запретили им создание новых коллективных поселений. «Диким» мутантам запрещено также иметь детей и владеть огнестрельным оружием. Имеется ряд и других категоричных запретов. Для контроля за исполнением этих «законов» храмовники периодически устраивают облавы по району, но далеко «дотянуться» им затруднительно. В основном инспекционно-карательные рейды проводятся по рекам с помощью весельных «галер» – переоборудованных речных катеров и теплоходов.

– И вот кто ты таков, – закончил свое выступление хозяин, – нам покуда неясно.

Глеб обвел взглядом сидящих за столом. Кто-то подозрительно разглядывал его, кто-то пьяно хмурил брови, улыбок на лицах больше не было. Видать, у каждого имелось что вспомнить, навеянное рассказом Макусина.

И тут неожиданно подскочил Пистолетец.

– Да итить вашу так! – заверещал он, размахивая беспалой ладошкой. – Путицы вы безлоговые! Уж если кто и шпион ваших махровников, так это я, не Глеб.

– Пошто так?... – от изумления даже не обидевшись на «безлоговых путиц», уставился на него Макусин. Впрочем, как и все остальные, включая самого Глеба.

– А пото, что шпион должен быть немазетным, как мышка, не влеприкать никакого внимания... Он своим в доску во всем должен закататься, да еще и жалость завывать. Вот как я, – Пистолетец опять покрутил изувеченной ладонью. – А от такого шпиона, – кивнул он на Глеба, – все ж разбежаться да тряпаться станут. Чего он тут вам нанюхает?

– А ить он дело говорит, – вымолвил один из мужиков.

– Так и чо, шпиен, значит, Тол... ик?... – пьяно икнул еще кто-то.

Все опять загудели, некоторые начали с угрожающим видом подниматься со скамей.

– Так, ну-ка, ша! – со всей мочи вдарил кулаком по столу Макусин. – Всем сидеть и слушать, что я скажу. Кто бы они ни были, сейчас они мои гости. А ежели кто моих гостей тронет – того потрогаю я. Как я трогать умею, вы все тутюка знаете. Да и не каратели они никакие, это и прям я сдуру пернул. Морозовец Глеб, не иначе. А морозовцы нам не враги. Потому так я скажу тебе, Глебушка, – повернулся он к мутанту: – Коли и впрямь ты ничо не помнишь, то начинай-ка жить заново. Вот прямо у нас тутюка и начинай. Покуда у меня поночуете, а там мы вам избу срубить подмогнем – и живите себе. «Галерщики» сюды редко добираются – рази что по весне когда, коли река разольется, да и то не кажный год, а через два-три на пятый... Так-то мелко здесь, не пройти их корытам. А боле кто тутюка вас тронет? Живите да живите. С бабами у нас, правда, хреново, ну да помрет кто из мужиков – они шибче баб дохнут – возьмешь тады вдовушку. А там и Толяну кака-нить достанется.

– Так и чичас, вон, Макариха есть, – подал голос Мартын.

– Макариха есть, – кивнул Макусин. И хмыкнул. – А ты сам-то бы лег с ей?...

– Ежели тока и ентот глаз выколоть! – испугался одноглазый.

– Вот и мне-ка совестно об ей гостям говорить, – вновь усмехнулся хозяин. Но тут же вновь стал серьезным и спросил у Глеба: – Ну так что, остаетесь?

– Погоди, Макусин, – нахмурился Глеб. – За предложение и доверие спасибо, но я вот что подумал. Если я и впрямь морозовец, то мне в Устюг надо. Меня же свои всяко узнают. Расскажут, кто я такой, покажут, где жил, научат тому, что я делал. А может там, дома, я и сам все вспомню.

– А ежели ты все ж не морозовец? – прищурился хозяин. – Я ить не Дед Мороз, чтобы все угадывать.

– Что?... – встрепенулся Глеб. – Дед Мороз может все угадывать? И про человека тоже?

...

– Дык кто ж знает, – пошел на попятную Макусин. – Сказывают про его много, так кто ж теперя в сказки-то верит?

– Не, Макусин, – замотал головой один из мужиков, – про Деда Мороза не сказки. Он все про всех знает. В глаза зыркнет – и мигом все высмотрит. Что было, что есть, что будет... Страшно тока.

– Что страшно? – спросил Глеб.

– В глаза его ледяные смотреть. Можешь сам навек ледышкой сделаться.

– Ты смотрел, што ль? – сердито бросил Макусин.

– Я не смотрел, люди сказывают...

– Вот и не мели языком, помело! А ты, Глеб, его не слушай. Да если ты не морозовец, то в Устюг тебя никто и не пустит. У тебя ведь документа нету?...

– Какого документа?... – растерялся Глеб.

– Что ты морозовец?

– Нету.

– Ну тогда и не суйся в Устюг. Забудь. Здесь твое место.

– Но... мне теперь точно туда надо! Вдруг мне и впрямь Дед Мороз поможет все вспомнить?

– Он тебя, скорее, повесит. А еще быстрее, собакам скормит.

– Но почему?! – подскочил Глеб. – Морозовцы ведь тоже мутанты! Даже если я не один из них, зачем же они такого же, как они сами, убивать станут?

– Не такой ты, Глебушка, – вздохнул Макусин, – ох, не такой... – А потом сказал для всех, коротко и категорично: – На посошок – и ша! Спать пора, робить завтра.

Глава 4

Принятие решения

Пока сидели за столом, небо затянуло облаками, стало почти темно. Хлев у Макузина стоял в стороне, за домом. На фоне более светлого, чем земля, небосвода был виден только его силуэт. Когда хозяин подвел к нему гостей, Глеб услышал, что внутри кто-то есть: его чуткие уши уловили звуки дыхания и слабый перестук, словно некто, обутый в сапоги с твердой подошвой, переминался с ноги на ногу. Однако мутант быстро вспомнил, что хлев предназначен для скота, а у скотины, как правило, имеются копыта, так что природа звуков для него стала понятной.

– Корова? – спросил он.

– Не, – отмахнулся Макусин. – На корову шибко много сена запастись надо. Их тут мало кто держит. Это давеча держали, чтоб молочко было для деток. А теперь, когда деток нельзя... – Хозяин раздраженно сплюнул. – Так что поросят я держу да козу. Манька моя тож молочко-то любит... А на козу-то уж я сена накошу как-нить.

– Представляю, как выглядят та коза с ропосятами, – тихонечко пробубнил Пистолетец. Хозяин услышал.

– Посмотреть хошь?... А уснешь опосля?

– Мы чулше того... завтра посмотрим... – испуганно замямлил лузянин.

– Ну-ну, – хмыкнул Макусин, потом нагнулся, зашарил в темноте возле хлева, что-то с натугой поднял и грохнул о стену, беззлобно ругнувшись под нос. Из-за стены раздалось тревожное блеяние, пару раз хрюкнул поросенок.

– Полезайте, – сказал хозяин.

– Куда? – не понял Глеб.

– На повесть, куда ишшо-то? Для чего я и лестницу-то поставил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.